

V.

ПРО КАЗАКА.

Жилъ былъ казакъ. Онъ поѣхалъ въ лѣсъ да и заблудился. Стоять стогъ сѣна. Онъ говоритъ: мнѣ хоть нечего ѣсть, лошади есть чего. Почевалъ тамъ возлѣ этого стога. Поѣхалъ на-ранѣ, стогъ загорѣлся. Онъ оглянулся назадъ.—Что-жь это стогъ загорѣлся? трубки я не курилъ, а онъ загорѣлся. Видитъ—стоитъ дѣвица на стогу: поди, меня чужестранный казачокъ, сними.—Онъ подѣхалъ.—Какъ-же тебя снять?—Подставь спину. Она слезла со стога да и сдѣлалась змѣей, обвилась около шеи ему. Онъ испугался. Она говоритъ: чужестранный казачокъ, не пугайся, вези меня за три царства, за земляной мостъ.

Онъ ѣхалъ, ѣхалъ, ошипался, оборвался весь. Проѣзжаетъ онъ мимо деревни, видитъ отъ обѣдни идутъ; всѣ разбѣжались. Идетъ старый старичокъ. Онъ подошолъ къ казаку: чужестранный казачокъ, куда ѣдешь, куда путь держишь?—Я, дѣдушка, ѣду за три царства, за земляной мостъ. Что, дѣдушка, ты слышать ли не слыхалъ, быть ли не бывалъ? Старичокъ говоритъ: нѣтъ, быть-то не бывалъ и слышать-то не слыхалъ; пойдешь, я тебя попарю.—Пожалуй пойдешь. Его попарили. Поѣхалъ онъ.

Ѣхалъ, ѣхалъ, ошипался, оборвался весь. Проѣзжаетъ опять мимо деревни. Народъ идетъ отъ обѣдни; всѣ испугались змѣи. Еще старше идетъ

старичокъ, говоритъ: чужестранный казачекъ, куда ѣдешь, куда держишь?—Я ѣду за три царства, за земляной мостъ.—Пойдемъ, я тебя попарю.—Благодарю, говоритъ, пойдемъ.—Его попарили. Поѣхалъ онъ.

Ѣхалъ, ѣхалъ, ощипался, оборвался весь. Ѣдетъ мимо деревни, народъ отъ обѣдни идетъ; всѣ испугались. Еще старше старичокъ идетъ: чужестранный казачокъ, куда ѣдешь, куда путь держишь?—Ѣду я, дѣдушка за три царства, за земляной мостъ. Ты слышать ли не слышалъ, бывать ли тамъ не бывалъ? — Слышать-то я слышалъ, казачокъ, а бывать-то не бывалъ; пойдемъ, я тебя попарю.—Его попарили. Онъ поѣхалъ.

Ѣхалъ, ѣхалъ, змѣя говоритъ: вотъ нашъ домъ. Золотой-серебряный домъ стоитъ. Подъѣхали къ нему. Она сдѣлалась опять дѣвушкой, пошла въ комнату. Казакъ говоритъ: что же, я пріѣхалъ; какъ же мнѣ на дворъ въѣхать? Сейчасъ отворяются сами ворота. Въѣхалъ онъ на дворъ.—Что же, говоритъ, я въѣхалъ: лошади нечего ѣсть и мнѣ. Сейчасъ кормъ есть, вода подтекаетъ къ нему: пей, ѣшь.—Что же, коню хоть есть что, а мнѣ нечего. Сейчасъ отворяется горница, всего тамъ наготовлено. Онъ сѣлъ за столъ, поѣлъ все.—Эхъ, говоритъ, какъ бы теперь водки выпить—цѣлый мѣсяцъ не пилъ. Сейчасъ отворяется комната: стаканы, полштофы.... Выпилъ стакапъ, говоритъ: что же это онъ безъ парочки будетъ. Выпилъ другой.—Что же это, они подерутся, а кто же ихъ будетъ разнимать? Выпилъ третій.—Что же объ трехъ углахъ изба не бываетъ. Выпилъ четвертый.—Эхъ, какъ бы, чуже-

странный казачокъ, тебѣ теперь трубки покурить! Отворяется комната: кисеть, трубка, табакъ, огниво — все. Накурился онъ трубки.—Эхъ, говорятъ, какъ бы теперь отдохнуть. Отдохнулъ. Поѣхалъ.

А въ этомъ домѣ двѣницъ было три: двѣ двѣницы, да одна пріѣхала. Одна бѣжить за нимъ: чужестранный казачокъ, говоритъ, что же пріѣхалъ не поздоровался, уѣхалъ не простился! Воротись, я тебѣ гостинчика дамъ. На тебѣ рубашку. Хоть какая бѣда будетъ, никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ съ этой рубашкой.—Поѣхалъ онъ дальше. Другая бѣжить: чужестранный казачокъ, воротись, я тебѣ дамъ гостинчикъ. Она дала ему саблю. Онъ поѣхалъ. Третья бѣжить.—Чужестранный казачокъ, на тебѣ кисеть. Онъ говоритъ: что же это кисеть.... Какъ бы въ немъ деньги были. Она говоритъ: тряхни кисеть-то. Онъ потряхнулъ — деньги посыпались. Онъ скорѣе подбирать да опять въ кисеть. Поѣхалъ. Она ему говоритъ: у тебя жена будетъ, ты ей не хвались.—Она ушла.

Онъ ѣхалъ, ѣхалъ—городъ стоитъ, царь гдѣ самъ живетъ, а тамъ гдѣ не ступишь—деньги давай. Возлѣ этого города ворота, солдатъ стоитъ возлѣ ихъ. Онъ кричитъ, этотъ казакъ-то: расчищай самую хорошую комнату коня ставить. Солдатъ говоритъ: кто это кричитъ? Солдатъ оборванный! Какъ казакъ слезъ съ коня, какъ зачалъ его валять... Солдатъ пошолъ къ отцу, рассказалъ ему какъ казакъ его билъ. Расчистили комнату, поставилъ онъ коня. Солдатъ съ отцомъ три дня не пилъ, не ѣлъ, все деньги считалъ отъ казака. А онъ говоритъ: гдѣ вамъ счастье, самъ царь вашъ не сочтетъ; запрягай.

мнѣ тройку лошадей. Онъ выѣхалъ въ поле, да и началъ трясть деньги—полонъ возъ натрясъ. У него ось сломалась. Увидали деньги: кто хватается ихъ, кто идетъ къ царю докладывать. Доложили ему. Сейчасъ казака перевѣнчали на царской дочери.

А за нее царевичъ сватался: выдай, говоритъ, царь, свою дочь за меня, а то я тебя въ плѣнъ возьму, а твоего казака въ мелкіе кусочки изрублю. Вотъ царь говоритъ казаку: какъ быть!—И, батюшка, не бойся, чего боишься.—Царевичъ гонитъ четыре полка. А казакъ взялъ саблю, кисеть и рубашку. Вышелъ противъ царевича, нестолько саблей бьетъ, сколько конемъ бьетъ. Всѣхъ ихъ перемялъ, перебилъ ихъ.

Царевичъ опять говоритъ: царь, выдай за меня дочь. Царь говоритъ: какъ быть!—И, батюшка, чего боишься. Казакъ опять вышелъ на царевича,—все войско перебилъ.

Царевичъ погналъ сорокъ полковъ.—Выдай, говоритъ, выдай дочь свою за меня, а то тебя въ плѣнъ возьму, а казака твоего въ мелкіе кусочки изрублю. Казакъ говоритъ: давай еще сорокъ полковъ перебьемъ. Онъ взялъ рубашку, саблю и кисеть; сталъ ихъ бить, и этихъ всѣхъ перебилъ. Онъ тамъ бьется, а его жена присылаетъ за нимъ домой. А онъ говоритъ: какъ такъ! жена не принимала, а теперь принимать хочетъ. Приѣхалъ домой. Она стала допрашиваться: какъ это тебѣ Богъ далъ?—Она напоила его пьянымъ; онъ взялъ да сказалъ ей. Она взяла и рубашку, и кисеть, и саблю; взяла призвала мастеровъ, чтобъ, говоритъ, рубашку, кисеть и саблю сдѣлать къ свѣту. Они сдѣлали

къ свѣту. Она положила ихъ на мѣсто, а тѣ, его-то, передала царевичу.

Царевичъ опять говоритъ царю: выдай дочь за меня. Царевичъ гочитъ только одинъ полкъ. Казакъ видитъ, что жена его передала.—Изрубилъ, говоритъ, меня, да въ кулекъ положи и коню подъ ляжки положи. Царевичъ его изрубилъ. Конь этотъ какъ пошолъ по озерамъ, по болотамъ. Приѣхалъ туда къ дѣвицамъ. Онѣ и говорятъ: вонъ нашъ милый-то ѣдетъ, какъ-бы его оживить. Объ полъ одна треснулась и сдѣлалась голубемъ, другая треснулась и сдѣлалась голубкой. Третьей онѣ говорятъ: ты, какъ онъ былъ, сложи его. Онѣ полетѣли. Одна полетѣла за мертвой водой, а другая за живой водой. Прилетѣли; та склала его. Мертвой водой брызнули—онъ зашевелился; живой брызнули—какъ онъ вскочить: ахъ, какъ я проспалъ-то! Онѣ говорятъ: какъ бы не мы, ты бы отнынѣ и до вѣку спалъ. Говорятъ: ступай-ка ты теперь, голубчикъ, такъ пѣшкомъ. Въ лѣсу живетъ старикъ со старухой. Ты ступай къ нимъ и ежели будешь ночевать, то вели себя, когда будутъ будить, дернуть за крестикъ, а то они тебя такъ не разбудятъ. Казакъ ушолъ.

Пришолъ въ лѣсъ. Остается тамъ у старика ночевать и велѣлъ себя за крестикъ дернуть, когда будить стануть. Поутру старикъ всталъ и запрягаетъ лошадь на ярмарку ѣхать:—ступай, говоритъ, старуха, буди его. Она его будила, будила, такъ не разбудила. Пришла къ старику: да онъ, говоритъ, не встаетъ. Старикъ говоритъ: онъ велѣлъ за крестикъ дернуть. Она какъ его дернетъ — онъ сдѣ-

лался золотымъ—серебрянымъ конемъ. Старуха говоритъ: старикъ, онъ сдѣлался золотымъ—серебрянымъ конемъ.—И, дура, боится! Мы повеземъ его на ярмарку, что-нибудь за него дадутъ.—Взяли его рогожками обшили, да повели на ярмарку. Всѣ бѣгутъ глядѣть, не столько покупать. Сейчасъ посланниковъ послали про него царю сказать. А царемъ-то сдѣлался царевичъ. Они тамъ сказали. Царь говоритъ: что тебѣ за него? Старикъ говоритъ: что пожелаете. Царь говоритъ своему слугѣ: поди, сейчасъ насыпь ему три воза денегъ, а ты, старикъ, ступай вонъ въ тѣхъ хоромахъ живи.

У царевой жены была тетка колдунья. Она взяла по книгамъ стала шарить, нашла, что этотъ конь—казакъ. Говоритъ племянницѣ: ступай, скажи царю—я умру, ежели не зарѣжешь коня. Царю коня жалко, а жену еще жалчѣй. Велѣлъ послать работниковъ его рѣзать. Они его повели, а дѣвка чернавка говоритъ: за что эту ягоду рѣзать!—Вотъ работники позабыли ножикъ и заспорили: ступай ты; нѣтъ, ступай ты. Спорили, спорили побѣжали всѣ. Дѣвкѣ чернавкѣ казакъ говоритъ: какъ первая капелька крови упадетъ, такъ ты подхвати и подъ яблоню закопай.—Его закололи. Она капельку подъ яблоню закопала. На лѣто выросли на томъ мѣстѣ, гдѣ была капля, яблоки золотыя и серебряныя.

Опять тетка взяла начала по книгамъ шарить, нашла, что это дерево—казакъ. Говоритъ племянницѣ: ступай, скажи царю—я умру, если не срубишь этой яблони. Царь взялъ работниковъ послалъ рубить. Они позабыли топоръ, заспорили кому бѣжать за нимъ, опять побѣжали всѣ вмѣстѣ. Дѣвка

чернавка вышла и говоритъ: за что эту ягоду рубить хотятъ! Казакъ говоритъ: какъ первая отлеточка упанетъ, такъ подлѣ дома царскаго въ рѣку въ воду кинь. Она взяла кинула. Казакъ сдѣлался селезнемъ золотымъ—серебрянымъ. Царь увидалъ въ окошко онъ плаваетъ, взялъ да за нимъ. А въ водѣ то лежать схоронены кисеть и сабля казаковы. Царь ловилъ его, ловилъ: ути—ути. Какъ онъ ныркнетъ да на берегъ, и сдѣлался человѣкомъ. Меня, говоритъ, тетка три раза рубила, теперь я ее изрублю. Взялъ да разрубилъ тетку. Разрубилъ да соломы въ поле навозилъ, взялъ да зажегъ. Поставилъ четырехъ мужиковъ замѣтать метлами мышей, чтобъ онѣ не бѣгали. Пришолъ во дворецъ, а его жена-то сидитъ. А, говоритъ, ты голубушка тутъ—то! Взялъ своему коню привязалъ ее за хвостъ. Какъ трепнетъ рукой коня, этотъ конь пошолъ по омутамъ и болотамъ, всѣ кости ей растрепалъ. Казакъ взялъ на дѣвкѣ чернавкѣ перевѣнчался и теперь живетъ.

VI.

ИВАНЪ КУПЕЧЕСКІЙ СЫНЪ,

Мышыща съ воробыщемъ сговорились чѣмъ намъ зиму кормиться. Вотъ они залезли въ кладушку гречишную. Наточили они семь четвертей чистыхъ крупъ. Вотъ мышъ говоритъ: это мнѣ одной мало, — и выгнала воробья изъ кладушки. Обѣла ему крылья. Воробей сѣлъ на колъ и плачетъ. Орелъ